

ЭКСПЕРТЫ VS ОБЩЕСТВО: НА ПУТИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Шапиро Ольга

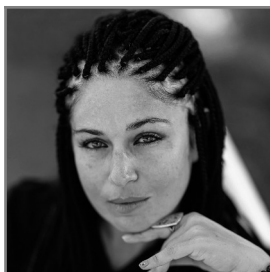
Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС. Российская Федерация, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; e-mail: shapiro-oa@ranepa.ru

Шкорубская Елена

Геннадьевна – специалист. Центр социальной антропологии и формирования личности КФУ им. В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4; e-mail: shkorubskaja@gmail.com

Статья посвящена проблеме кризиса экспертного знания, заключающегося в снижении доверия общества ученым-экспертам, трансформации роли экспертов в принятии социально значимых решений, эскапизме либо пренебрежении со стороны экспертов по отношению к широким массам. Мы полагаем, что для разрешения сформировавшегося противостояния между обществом и экспертами необходимо сопоставить позиции тех и других, в первую очередь на работу Т. Николса «Смерть экспертизы», полагая, что в ней предельно ясно артикулированы опасения научного сообщества по поводу его нынешнего статуса, роли и дальнейшей судьбы, а также понимание экспертным сообществом причин сложившейся ситуации. Позиция общества, как мы полагаем, выражена в работах П. Фейерабенда. В качестве первой задачи своей статьи мы видим сопоставление этих позиций и выявление ключевых пунктов конфликтного противоречия. В поисках возможности снятия противоречия мы опираемся концепцию коммуникативного действия Ю. Хабермаса и идеи акторно-сетевой теории Б. Латура. Сопоставить все четыре позиции становится возможным в рамках аналитического подхода к истории философии Дж. Барнеса. Аргументативный анализ рассмотренных работ позволяет рельефно выявить как базовые пункты их противоречия, так и общие для всех сторон позиции, которые должны лечь в основу поиска консенсуса. Такими базовыми позициями оказываются не оценка экспертного или профанного знания, но стремление всеми сторонами коммуникации сохранить демократическое устройство общества.

Ключевые слова: эксперт, наука, аргументация, публичная коммуникация, П. Фейерабенд, Т. Николс, Ю. Хабермас, Б. Латур

EXPERTS VS SOCIETY: ON THE WAY TO COOPERATION

Olga A. Shapiro –
PhD in Philosophy,
Associate Professor.
Institute of Management,
RANEPА St. Petersburg,
57/43 Sredny prospect VO,
Saint-Petersburg 199178,
Russian Federation;
e-mail: shapiro-oa@ranepa.ru

Elena G. Shkorubskaya –
Specialist.
V.I. Vernadsky Crimean
Federal University,
4 Prospekt Vernadskogo,
Simferopol, Republic
of Crimea, 295007,
Russian Federation;
e-mail: shkorubska@gmail.com

The article is devoted to the problem of the expert knowledge crisis, which consists in a decrease in public trust in scientific experts, the transformation of the role of experts in making socially significant decisions, escapism or neglect on the part of experts in relation to the society. We believe that in order to resolve the existing confrontation between society and experts, it is necessary to compare the positions of both, and then formulate common grounds that can serve for resolving the conflict. We assign the role of moderator in the practice of resolving this conflict to politicians, who are forced to maneuver between the advice of experts and the opinions of voters, and also take responsibility for the consequences of implementing decisions. Reconstructing the position of experts, we rely primarily on the work of T. Nichols "The Death of Expertise". We believe that it very clearly articulates the concerns of the scientific community about its current status, role and future fate, as well as the expert community's understanding of the reasons for the current situation. The position of society is expressed in the works of P. Feyerabend. So, as the first task of our article, we see a comparison of these positions and identification of key points of conflict contradiction. Looking for resolving the conflict contradiction, we rely on the concept of communicative action by J. Habermas and the ideas of the actor-network theory of B. Latour. It is possible to compare all four positions thanks to the analytical approach to the history of philosophy of J. Barnes. An argumentative analysis makes it possible to clearly identify both the basic points of their contradiction and the positions common to all parties, which should form the basis for the search for consensus. Such basic positions are not the assessment of expert or profane knowledge, but the desire by all parties of communication to preserve the democratic structure of society.

Keywords: expert, science, argumentation, public communication, P. Feyerabend, T. Nichols, J. Habermas, B. Latour

Книга Т. Николса «Смерть экспертизы», вышедшая в 2017 г., мгновенно стала бестселлером [Николс, 2019]. Обозначенные в ней проблемы остро ощущаются как научным сообществом, так и широкой общественностью. Потеря доверия к экспертному знанию, трансформация статуса эксперта в условиях доступности роли говорящего, превращение университетов в поставщика образовательных услуг – все эти проблемы актуальны, остры, однако не слишком новы и уже имеют традицию своего осмысления. Так, вопрос о статусе эксперта и экспертного знания исследуют такие философы XX в., как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Х. Ортега-и-Гассет, П. Фейерабенд, У. Эко, У. Бек, Д. Белл, Ю. Хабермас и др.

В последнее десятилетие проблеме кризиса экспертного знания было посвящено огромное количество работ. Отметим здесь две из них, наиболее близкие нам в своей интерпретации проблемы экспертизы: “Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology” под редакцией М. Bucchi и В. Trench, переживший в 2021 г. уже третье свое издание [Bucchi, Trench (eds.), 2021] и “The Oxford Handbook of Expertise and Democratic Politics” под редакцией G. Eyal и T. Medvetz, который вышел в 2023 г. [Eyal, Mendez (eds.), 2023]. Статьи в первом сборнике объединены общей темой влияния экспертного знания на общественную жизнь; во втором – опасением, что растущее недоверие к экспертному знанию на фоне роста числа претендентов на статус эксперта несет угрозу современной демократии.

В отечественном научном сообществе исследования экспертного знания и экспертизы как социального феномена актуализировались в 2020 г., что было во многом вызвано пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19. В частности, проблемы доверия к науке, взаимодействия науки и общества, необходимости пересмотра социальной роли науки через призму пандемии и возможности построения новой «республики ученых» были подняты в дискуссии на страницах журнала Digital Scholar [Дискуссия, 2020]; на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» обсуждались проблемы взаимодействия экспертов и профанов [Panel Discussion, 2020]; Б.И. Пружинин рассматривает экспертизу как особый эпистемологический феномен, обусловленный трансформацией современной науки [Пружинин, 2021; Пружинин, Ветров, 2022], а Л.А. Тухватулина разрабатывает проблемы доверия к науке и влияния ученых-экспертов [Тухватулина, 2023].

В этой статье мы ставим вопрос об условиях взаимодействия экспертов и общества в поле принятия социально значимых решений. Мы представим проблему со стороны трех участников этой коммуникации: самих экспертов (позицию которых ясно выражает Т. Николс), противостоящего им общества (с позиций которого по сути выступает в своих работах П. Фейерабенд), политиков, вынужденных лавировать между первыми и вторыми (положение которых помогут прояснить идеи Ю. Хабермаса), а также рассмотрим перспективы равноправного участия в принятии решений всех трех сторон (путь, предлагаемый Б. Латуром). Методологически мы будем опираться на аналитический подход к истории философии Дж. Барнеса [Barnes, 1982].

Наша гипотеза состоит в том, что обозначенные нами проблемы – следствие несовпадения стандартов, на которые опираются эксперты, предлагающие эффективные решения научных проблем, политики, несущие за принятые решения ответственность, и общество, легитимирующее действия первых и вторых или выражающее протест. Мы полагаем, что прояснение обозначенных позиций позволит

найти базовые положения, не вызывающие разногласий у всех трех сторон, которые в дальнейшем смогут стать основой для формирования консенсуса по менее однозначным вопросам.

Кризис экспертизы

Т. Николс говорит о кризисе экспертности как о новом вызове, понимая его как «агрессивное вытеснение экспертных суждений или традиционных знаний и замену их твердым убеждением, что каждое мнение по любому вопросу так же хорошо, как и любое другое» [Николс, 2019, с. 27]. Позволим себе привести здесь довольно объемную выдержку из его работы, проясняющую ее пафос:

В демократическом обществе работа экспертов на благо общества – часть социального контракта. Граждане делегируют право принимать решения по множеству вопросов своим избранным представителям и экспертам, их советникам. <...> Взаимоотношения экспертов и граждан, как почти любые взаимоотношения в условиях демократии, построены на доверии. Когда это доверие рушится, эксперты и простые люди становятся враждующими сторонами. И когда такое происходит, сама демократия может войти в штопор, который грозит немедленным переходом либо к власти толпы, либо к технократии. Оба режима авторитарны [Там же, с. 203].

Николса беспокоят социальные импликации кризиса экспертности. Проблема не в том, что решения, принимаемые профанами, окажутся не самыми эффективными: эксперты тоже временами ошибаются, а политики – не всегда к ним прислушиваются. Проблема в том, что отказ от экспертного знания угрожает самому демократическому строю. Если мы предположим, что мнение каждого отдельного индивида ничуть не хуже остальных, то зачем ему прислушиваться ко мнению кого бы то ни было – не только экспертов, но и представителей любых групп населения, должностных лиц любого ранга? Когда в такой позиции оказывается руководитель, его стиль управления (как малым предприятием, так и государством) становится авторитарным.

Здесь мы сталкиваемся с когнитивным искажением Даннинга-Крюгера. Николс пишет: «Отсутствие навыка метапознания создает порочный круг, когда люди, не владеющие предметом в достаточной степени, не понимают, что они безосновательно и заносчиво спорят с экспертами по этим вопросам» [Там же, с. 50]. Причину отсутствия навыка метапознания и формирования такой самоуверенности Николс видит в широкой доступности университетского образования и его превращения в сферу услуг: «Когда студенты становятся

ценными клиентами, вместо того чтобы быть учениками, у них сразу же повышается самооценка, но почти не прибавляется знаний. Хуже того, у них не развивается привычки к критическому мышлению» [Николс, 2019, с. 17]. Отсутствие привычки критически мыслить подкрепляется также и доступностью информации, включая тот факт, что в сети Интернет сегодня возможно найти доводы в пользу любой позиции. Более того, если экспертному мнению вы всегда можете противопоставить статью из Интернета, это мнение теряет в глазах среднестатистического пользователя ценность и оказывается просто «одним из».

Таким образом, основной тезис Николса состоит в том, что кризис экспертности ведет к формированию авторитарного общества, поскольку (аргумент, который ясно не проговаривается в тексте, но очевидно подразумевается) *если все мнения равноценны, то руководитель может не прислушиваться ни к одному из них, действуя на свое усмотрение*. Этот неявный аргумент подтверждается формированием искажения Даннинга-Крюгера вследствие перехода университетского образования в сферу услуг, а также враждебным отношением к экспертам как социальному слою, сформировавшимся и даже ставшим трендом в условиях доступности информации и наблюдаемым Николсом в большом перечне коммуникативных ситуаций.

Игры интеллектуалов

Каковы мотивы общества, отказывающего экспертам в доверии и назначающего их на роль врагов? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо реконструировать социальные изменения, которые привели к кризису экспертности, и продвинуться в этой реконструкции придется дальше, чем это делает Николс. Мы полагаем, что трансформация образовательной системы является естественным следствием формирования массового общества, в котором и образование, и информация становятся доступными и, кроме того, декларируется всеобщее равенство.

Николс акцентирует внимание на том, что демократия «означает систему правления, а не фактическое равенство. Каждый отдельный голос в демократическом обществе равен любому другому – но не каждое отдельное мнение» [Там же, с. 223]. Х. Ортега-и-Гассет по этому поводу пишет, что восприятие массовым человеком своего места в мире характеризуется отсутствием каких-либо преград, как материального, так и морального характера, и в этих принципиально новых для истории обстоятельствах «средний человек усваивает истину, что все люди узаконенно равны» [Ортега-и-Гассет, 2002, с. 55]. Обратим внимание: не «равны перед законом», а именно «узаконенно

равны», т.е. всеобщее равенство возводится до ранга закона. Ортега-и-Гассет так описывает базовые установки массового человека: «Жить – это не чувствовать никаких ограничений и потому смело полагаться на себя; все практически дозволено, ничто не грозит расплатой и вообще никто никого не выше» [Ортега-и-Гассет, 2002, с. 60]. Получается, что в массовом обществе стирается различие между «равенством прав» и «равенством людей», а «свобода, равенство, братство» начинают звучать как свобода высказывать свое мнение по любому вопросу, равенство этих мнений и уважение к каждому из них.

Эта ситуация естественна, если учитывать прорыв в образовательной системе, включая введение обязательного среднего образования. За короткий промежуток времени из мира, в котором большинство людей были неграмотны, мы оказываемся в мире, где каждый обучен азам большей части наук. Такое резкое сокращение разрыва в образовательном уровне между экспертами и всеми остальными в сочетании с доступностью информации и роли говорящего приводит к ощущению как минимум права формулировать позицию публично и как максимум – права считать свое мнение не менее ценным, чем мнение любого другого.

В чем тогда заключается принципиальная разница между экспертами и профанами? Согласно Николсу, экспертность – это «трудноуловимое сочетание образования, таланта, опыта и уважения профессионального сообщества» [Николс, 2019, с. 37], постоянное совершенствование своих знаний и навыков в сочетании с готовностью признавать свои ошибки и исправлять их, в том числе при помощи других экспертов. Понимание границ собственных знаний и встроенность в экспертное сообщество в дополнение к обозначенным выше качествам становится условием эффективности принимаемых ими решений. Мы полагаем, приведенный перечень качеств – описание критического мышления как когнитивного стиля экспертов (напомним, что Николс сетует на то, что высшее образование привычки к нему сегодня не формирует).

Итак, отличие экспертов – не в объеме их знаний и опыта, но в особом способе мышления, в рациональности. Акцент на этом моменте как основании общественного конфликта мы находим у П. Фейерабенда: «Рациональные дебаты представляют собой особый случай вынужденного взаимодействия. Если участники являются рационалистами, то все в порядке и дебаты можно начинать. Если же только некоторые из участников являются рационалистами и в их руках сила (это важно), то они не будут серьезно относиться к своим союзникам до тех пор, пока последние также не станут рационалистами: общество, опирающееся на рациональность, не вполне свободно, оно вынуждено играть в игры интеллектуалов» [Фейерабэнд, 2010, с. 44].

Таким образом общество выражает протест не против экспертных знаний или рекомендаций, но против экспертности как привилегированного способа мышления, полагая, что другие способы ничуть не хуже. П. Фейерабенд так выражает эту мысль: «Рациональность не есть верховный судья над традициями, ибо она сама представляет собой традицию или сторону некоторой традиции. Следовательно, она ни хороша, ни плоха – она просто есть» [Фейерабенд, 2010, с. 41]. Сравним это с тем, что почти тридцатью годами ранее пишет М. Оукшот: «...истинное значение рационализма состоит не в... неспособности признать существование какого бы то ни было иного вида знания: философское заблуждение рационализма заключается в том, что методу и учению о его самодостаточности приписывается здесь качество достоверности; практическая же ошибка рационализма заключена в убеждении, что сознательное поведение – это всегда благо» [Оукшот, 2002, с. 25]. Эксперты, транслирующие обществу принципы критического мышления, утверждающие рациональность как некий эталон, оказываются подвержены ошибке догматизма, принимая эту рациональность как «истину в последней инстанции» и нарушая этим принцип картезианского сомнения, который сами называют одним из своих основных инструментов. Оукшот пишет, что «история рационализма... является историей того, как учение о самодостаточности метода стало неотъемлемой частью всякой интеллектуальной деятельности» [Там же, с. 22]. Вместо того, чтобы обосновать эту самодостаточность, экспертное сообщество ее постулирует, пренебрегая всеми существующими требованиями рациональности.

Фейерабенд утверждает, что «универсальность, плодотворность, адекватность распространенных стандартов можно проверить только с помощью такого исследования, которое их нарушает» [Фейерабенд, 2010, с. 55]; т.е. мы можем обосновать преимущества метода, только находясь вне его границ. Но наука рассматривает рациональность как свою сущностную характеристику; исследование рациональности, осуществленное не с позиций рациональности, не может быть принято экспертным сообществом, поскольку теряет свой статус научности. В этом смысле критика экспертности с не-рациональных позиций является неприемлемой для научного сообщества по самой своей форме, здесь невозможен диалог о содержании этой критики.

Таким образом, снижение доверия к экспертам возникает потому, что эксперты и общество придерживаются различных стилей мышления, причем эксперты постулируют привилегированность своего стиля мышления без достаточных и приемлемых для общества на то оснований. Требование приемлемости здесь представляется ключевым. Как пишет Фейерабенд, «один и тот же аргумент будет для одного наблюдателя лишь пропагандистской уловкой, а для другого –

выражением существа человеческого рассуждения» [Фейерабенд, 2010, с. 42]. Враждебное же отношение общества к экспертам – результат навязывания экспертами идеала рациональности, постулирования превосходства рациональности над другими мировоззренческими установками.

Экспертность в публичной сфере

Итак, Фейерабенд настаивает, что экспертные суждения опираются прежде всего на рациональность и дискуссия вокруг них может вестись исключительно по правилам, диктуемым этой рациональностью. Это утверждение переключается с требованиями коммуникативной рациональности, которым, по мнению Ю. Хабермаса, подчиняются дискуссии в публичной сфере: «Взаимопонимание по какой-либо теме как бы замещает здесь личное представление себя. В таком случае публика образует пространство не зрителей или слушателей, но говорящих и адресатов, обращающих друг к другу речи и держащих ответы. Происходит обмен доводами, а не связывание взглядов в единый пучок» [Хабермас, 2011а, с. 15–16]. Стремление к взаимопониманию между участниками дискуссии – цель как научной, так и политической публичной коммуникации, причем имеется в виду коммуникация внутри специфической научной публичности (ученые с учеными) и внутри политической публичности (политики с политиками).

В ситуации принятия научно обоснованных политических решений и в публичных выступлениях экспертов мы имеем дело с пересечением двух сфер – научной и политической. Мы полагаем, что в таких дискуссиях продолжают действовать особые правила коммуникативной рациональности – «идеализирующие предпосылки, которые перформативно осуществляются в коммуникативном действии: общая для всех подмена мира независимо действующих предметов; взаимная подстановка рациональности или “вменяемости”; безусловность таких выходящих за рамки контекста притязаний на значимость, как истина и моральная правота; требовательные аргументационные предпосылки, которых придерживаются участники для децентрирования своих перспектив толкования» [Хабермас, 2011б, с. 29–30]. То, что является для Фейерабенда предметом критики, для Хабермаса выступает необходимой предустановкой публичной дискуссии. Те, кто не в состоянии принять правила коммуникативной рациональности, в рамках дискуссии воспринимаются как «невменяемые» (здесь можно обратить внимание на публичный образ т.н. «антипрививочников», «вич-диссидентов» и пр.). Хабермас пишет: «Вопреки ожиданию, может *обнаружиться*, что другой

не в состоянии давать отчет о своих поступках и высказываниях и что мы также не видим, как он мог бы оправдать свое поведение. В контексте действия, ориентированного на взаимопонимание, такое разочарование выступает лишь на фоне подчинения рациональности, которую мы – поскольку мы вообще принимаем участие в коммуникативном действии – должны принимать» [Хабермас, 2011б, с. 37].

Хабермас признает идеалистичность подобных требований и отмечает, что на практике у субъектов коммуникации не всегда получается их соблюдать. Эти установки являются именно «идеализирующими предпосылками», и участники коммуникативного действия вступают в дискуссию *так, как если бы эти правила действовали и принимались бы всеми участниками дискуссии*. Иначе говоря, эти правила имеют перформативный характер и определяют не столько сферу *сущего*, сколько сферу *должного*. Такое подчинение рациональности является тем, что субъекты коммуникации *принципиально ожидают друг от друга*; эти правила *оперативно действуют* в поведении участников аргументации» [Там же, с. 51].

Такая идеализация исключает из дискуссии всех, кто отказывается или не способен подчиниться рациональности. Это противоречит стремлению к инклюзивности коммуникации, предполагаемому Хабермасом, которое требует включения в дискуссию всех, кого затрагивает обсуждаемый вопрос, и подтверждает позицию Фейерабенда, который полагает, что репрессивность научной рациональности принципиально догматична и направлена на недопущение к обсуждению тех, кто отказывается принимать ее правила. Тезис Хабермаса состоит в том, что, только принимая общие для всех правила коммуникативного действия, основанные на коммуникативной рациональности, возможно достичь взаимопонимания. Эти правила должны быть приемлемыми для всех участников публичной дискуссии, в том числе связанной с принятием научно обоснованных решений. Те, кто принять правила коммуникативной рациональности не в состоянии, не могут в полной мере участвовать в публичной дискуссии, т.к. по сути не признают единство общего мира. То есть для Хабермаса указанные правила касаются не столько правил мышления, навязываемых «интеллектуалами», сколько правил коммуникации, без соблюдения которых невозможна публичная коммуникация в принципе. В итоге Хабермас смягчает позицию Николса, допуская к публичной дискуссии более широкий круг заинтересованных лиц, но при этом оставляя некоторый ценз.

Демократизация наук

Коммуникативное действие вводит в дискуссию несколько типов оснований, в частности эпистемические основания, определяющие истинность высказываний, и этические основания, определяющие жизненные решения. Эпистемические основания продуцируют дескриптивные высказывания, которыми оперирует научная дискуссия, утверждая существование единого для всех объективного мира, а этические – нормативные высказывания, используемые в поле политической публичности и ориентированные на социальный мир, объединяющий притязания различных групп.

Экспертное суждение, которое высказывается в точке сопряжения научной и политической публичности, предполагает необходимость формулирования нормативных высказываний на основании дескриптивных – «с точки зрения науки мир устроен так-то, следовательно, поступать должно так-то». Возникает вопрос: в какой степени возможно разделение высказываний на нормативные и дескриптивные для описания ситуации принятия научно обоснованных решений? Эту дихотомию подвергает критике Бруно Латур.

В несколько утопическом проекте демократизации наук идеи Латура во многом перекликаются с концепцией Фейерабенда. Проект эпистемологического анархизма, который дает право голоса даже самым невероятным научным теориям, созвучен проекту политической экологии, который предлагает Латур для организации взаимодействия науки и общества. И в первую очередь Латур предлагает отказаться от понятия единой Науки (с большой буквы), которая претендует на единственно верное отражение единой Природы (объективного и единого для всех мира).

Презумпция принятия единого для всех объективного мира, которую Хабермас считает необходимым требованием коммуникативного действия и условием достижения взаимопонимания, предполагает существование именно такой, единой для всех Природы (универсума). Латур же определяет такую Природу как «неправомерный процесс унификации общественной жизни и распределения возможности говорить и представлять» [Латур, 2018, с. 273]. Понятие «представителей» здесь обозначает тех, кто получает право говорить от имени уполномочивших их лиц (как социальных групп, так и не-людей).

При взаимодействии ученых и общества Наука получает исключительное право говорить от имени Природы и, соответственно, монополию на приписывание истинности суждениям об объективном мире. Дескриптивные высказывания, звучащие из уст экспертов («белых халатов», как их называет Латур), обладают истинностной значимостью, очищены от тирании социального – общественной

жизни, политики, субъективных ощущений, пошлой суеты. Ученый волен донести эти знания до остальных людей с единственной целью – прекратить любые дискуссии, заставив «невежд» принять это знание. «Наука может выжить только при условии абсолютного, а не относительного разделения на вещи “как они есть” и “представления о них людей”... Потому что без него не будет непрерываемого авторитета, который сможет оборвать бесконечную болтовню мракобесов и невежд. Больше не будет способа отличить истинное от ложного» [Латур, 2018, с. 20]. Задача эксперта же, по мнению и Николса, и Хабермаса, – именно отделить истинное от ложного, разделив тех, кто может принимать участие в дискуссии, и тех, кто «некомпетентен» и «невменяем» (невежды и мракобесы).

Это в полной мере соответствует диктату научной рациональности, о котором говорит Фейерабенд. Действительно, в этом случае обществу нечего противопоставить «белым халатам», так как единственный способ опровергнуть то или иное научное утверждение – провести собственное исследование, перепроверить все положения, на основании которых вынесено дескриптивное высказывание, произносимое учеными. На суд публики выносятся уже готовый научный продукт – «черный ящик» [Латур, 2013] (непреложные научные факты, апробированные технологии), которые Наука представляет как данность. Такую Науку Латур определяет как «политизацию наук посредством эпистемологии, призванную парализовать обычную политическую жизнь перед лицом постоянной угрозы со стороны не терпящей возражений природы» [Латур, 2018, с. 18–19].

Эта «(политическая) эпистемология» опирается на принципиальное удвоение мира. Первая его половина включает в себя «совокупность людей, наделенных даром речи, но лишенных всякой власти, кроме той, что позволяет им пребывать в полном невежестве» [Там же, с. 23], а вторая состоит из «реальных объектов, способных определять то, что действительно существует, но не наделенных даром речи» [Там же]. Единственными посредниками между этими двумя мирами и становятся эксперты, которые имеют исключительную способность переходить из одной половины мира в другую, обладают властью как представители самой Природы. Эксперт в таком удвоенном мире – это человек, который способен «заставить заговорить безмолвный мир, глаголить истину, не встречая возражений, положить конец нескончаемым прениям за счет непрерываемого авторитета, которым их наделили сами вещи» [Там же]. В этом удвоенном мире для того, чтобы иметь право вступить в дискуссию по поводу научно обоснованных решений, недостаточно обладать определенной культурой мышления и принимать правила коммуникативного действия: необходимо обладать правом говорить от имени самих вещей.

Экспертное суждение предполагает не просто сообщение о научных фактах – оно становится основой для принятия решений, влияющих на жизнь людей. Но разделение суждений на дескриптивные и нормативные, которое напрямую следует из описанного нами удвоения мира, противоречит актуальной ситуации вынесения экспертного суждения (так как эксперт, говорящий от имени Природы, не имеет права на высказывание по поводу ценностей). Это становится тем более заметно в современном мире, когда информация становится настолько открытой, что каждый желающий может ознакомиться с процессом научного поиска («научной кухней») и увидеть, что ученые вступают в бесконечные споры между собой и высказывают скорее вероятностные, а не абсолютно истинные суждения – «достаточно бросить беглый взгляд на страницы научных журналов, чтобы обнаружить свидетельства этих фундаментальных изменений: вместо того, чтобы завершить дискуссию, обратившись к фактам, всякая новость из области науки только подливает масла в огонь, вызывая ажиотаж публики» [Латур, 2018, с. 85]. Таким образом, заключает Латур, одних фактов для завершения дискуссии недостаточно – и здесь вступают в игру ценности.

Обычное употребление понятий «факт» и «ценность» предполагает, что факт – это нечто определенное, устоявшееся, то, что нельзя пересмотреть или подвергнуть сомнению; ценности же принципиально необоснованны и предполагают вынесение суждений людьми. Однако у них есть фундаментальное сходство – они говорят об общем: об общем мире (факты) и об общем благе (ценности). Разделение фактов и ценностей требует отделения того, что есть, от того, что должно быть, что делает крайне затруднительным принятие научно обоснованных решений: факты содержат в себе одновременное требование постоянной дискуссии и требование прекращения дискуссии *на определенном этапе*, а ценности – одновременное требование допускать всех к обсуждению значимых вопросов и требование определенного отбора тех, кто может участвовать в дискуссии, и установления значимости их голосов.

Для снятия внутренних противоречий этих требований Латур предлагает проект организации взаимодействия ученых, политиков, «моралистов» и общества, который способствовал бы более эффективной организации совместного принятия решений. Вместо противопоставления фактов и ценностей Латур предлагает две новые «власти»: *власть принятия в расчет* и *власть упорядочения*, каждая из которых содержит в себе требования, устанавливаемые фактами и ценностями, но существующие в отношениях взаимодополнения. При этом каждому требованию соответствует определенный этап в принятии решения.

Власть принятия в расчет отвечает на вопрос «сколько нас?» – определяет всех, кто имеет право принять участие в дискуссии

(с учетом того, что для Латура не-люди – бактерии, водоросли, домашние животные и т.д. – также обладают весомым правом голоса). При этом считается, что нельзя сокращать ни число пропозиций, которые необходимо принимать в расчет, ни количество участников дискуссии.

Власть упорядочения отвечает на вопрос «можем ли мы жить вместе?» – т.е. определяет, каким образом должно быть организовано взаимодействие участников обсуждения, чтобы в результате они могли жить в общем мире. При этом необходимо обсуждать совместимость новых пропозиций с уже утвержденными так, чтобы они могли существовать совместно и занимать в нем свое законное место, а после принятия пропозиций нельзя оспаривать легитимность их включения в общий мир. То есть на уровне *власти упорядочения* необходимо построить иерархию всего, что должно быть учтено в процессе обсуждения, определить место каждой пропозиции и интересы каждого участника дискуссии, а также принять решение о завершении дискуссии, результатом которой станет по-новому устроенный мир.

Приведенный проект «двухпалатного парламента» лишает экспертов их безусловного авторитета, уменьшая разрыв между абстрактной Наукой и обществом, который изначально был иллюзорным, и предоставляя голос наукам как они есть. С другой стороны, ученые получают право не просто констатировать факты, но и выносить оценку с позиции моральной значимости, принимая участие во всех этапах дискуссии. Является ли данный проект «смертью экспертизы»? Отчасти да, так как не только ученые и политики будут участвовать в принятии решений, но и все заинтересованные лица. Но только отчасти, так как две указанные власти должны строго распределять место каждого участника в дискуссии.

Этот проект значительно удлиняет процесс принятия решений, так как требует учета *всех интересов* и разбора *всех разногласий*, но именно так работает демократия. Утопичность его – в безусловном приоритете эффективности над скоростью и необходимости существенной перестройки уже сложившихся механизмов принятия научно обоснованных решений.

Таким образом, согласно Латуру, демократический путь принятия решений по общественно значимым вопросам состоит в том, чтобы к этому процессу были допущены все заинтересованные стороны, но при этом место и роль каждой из сторон должны быть строго определены. В частности, эксперты в этом процессе сохраняют автономию как представители различных наук и получают право оценки высказанных значимых мнений «за счет компетенции, ставящей их выше прочих профессий, через *ученый спор* и экспериментальное *испытание*» [Латур, 2018, с. 158].

В поисках консенсуса

Обеспокоенность ученых кризисным положением экспертного знания в современном обществе понятна и естественна. С одной стороны, речь идет об опасениях о собственной судьбе – как индивидуальной, так и как социального класса; с другой – с позиций экспертного сообщества сам статус экспертности является условием эффективного функционирования демократии. При этом ученые ссылаются на неравноценность мнений, связанную с различиями в уровне компетенций; на (не)способность представителей различных общественных групп придерживаться норм рациональной дискуссии и на заинтересованность в принятии максимально эффективных решений всего общества в целом. Мы можем так озвучить эту позицию: «Если мы хотим сохранить демократию, которая будет максимально удовлетворять интересы всех социальных групп, нам необходимо делегировать функцию принятия решений тем, кто компетентен в этом – экспертам, так же, как мы делегируем ряд функций политикам».

Общество, с другой стороны, понимает привилегированный статус экспертного знания как узурпацию влияния на принятие решений, определяющих его судьбу, и противится этой ситуации, утверждая, что при исключении ряда социальных групп из процесса принятия решений эти решения могут нарушать их интересы, что противоречит идеям демократии.

Такая ситуация, граничащая с общественным возмущением установленными механизмами принятия политических решений, беспокоит политиков. Однако традиции политической практики предполагают принятие норм коммуникативной рациональности; в этом случае из публичной дискуссии действительно исключается часть населения, хотя требования к такому исключению более мягкие, чем их транслируют эксперты: возможность участия в публичной дискуссии определяется способностью субъекта удовлетворять нормам коммуникативной рациональности (хотя и не требует наличия у них подготовки уровня эксперта). Очевидно, что такой выход общество не удовлетворяет по причине ограничения права участия в принятии общественно значимых решений части населения, что понимается обществом как нарушение его демократических прав и свобод.

В этом смысле путь, предлагаемый Латуром, – путь компромисса, который становится возможным благодаря тому, что у всех сторон мы находим общую установку на ценность сохранения демократического общества. С одной стороны, он удовлетворяет требованию общества и допускает к публичной дискуссии всех заинтересованных лиц. С другой – оставляет за экспертами статус участников этой

дискуссии, обладающих особыми компетенциями, которые имеют право оценивать озвученные обществом позиции и приписывать им определенный вес.

Мы полагаем, что это – единственно возможный путь сохранения статуса экспертного знания в условиях современного общества. Обратим внимание на следующее: и прежде эксперты только высказывали мнение, решения же принимали политики, и эти решения учитывали не только экспертные рекомендации, но и ряд дополнительных условий, и в результате далеко не всегда соответствовали решениям, предлагаемым экспертами. Включая в список этих дополнительных условий мнения всех заинтересованных лиц, при этом «взвешенные» экспертами (т.е. в ряде случаев отмеченные как незначимые или неадекватные), мы, конечно, расширяем его – но не принципиальным образом. При этом у общества создается иллюзия, что его позиция обретает вес и начинает играть значимую роль.

Можем ли мы назвать этот путь манипулятивным и потому неприемлемым? И да, и нет. Да – пока мы стоим на крепких позициях рациональной коммуникации, играем в игры интеллектуалов и навязываем другим рациональные нормы. Нет – если мы идем обществу навстречу и, в духе Фейерабенда, признаем, что рациональность – лишь одна из возможных традиций, ничем не лучше и не хуже остальных, а значит – ничем не хуже пути уловок и манипуляций, где прав тот, кто убедительнее, а не тот, кто предоставил лучшие основания. В этом смысле общество получает то, что запрашивает: коммуникацию не только в рамках рациональности, так же как и эксперты получают возможность сохранить идеал рациональности внутри своей «башни из слоновой кости».

Список литературы

Дискуссия, 2020 – *Дискуссия* // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 2. С. 17–58.

Латур, 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Пер. с англ. К. Федорова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

Латур, 2018 – *Латур Б.* Политики природы / Пер. с фр. Е. Блинов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.

Николс, 2019 – *Николс Т.* Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / Пер. с англ. Т.Л. Платонова М.: Эксмо, 2019. URL: НИКОЛС – Смерть экспертизы 2018.pdf (kyiv-heritage-guide.com) (дата обращения: 13.12.2023).

Ортега-и-Гассет, 2002 – *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Восстание масс: сб. / Пер. с исп. А.М. Гелескул. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 11–208.

Оукшот, 2002 – Оукшот М. Рационализм в политике // Рационализм в политике и другие статьи / Пер. с англ. И.И. Мюрберг. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 7–37.

Пружинин, 2021 – Пружинин Б.И. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 393–402.

Пружинин, Ветров, 2022 – Пружинин Б.И., Ветров В.А. Экспертиза как форма развития науки: фундаментальное vs прикладное // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 534–546.

Тухватулина, 2023 – Тухватулина Л.А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки 2023. Т. 60. № 1. С. 6–20.

Фейерабенд, 2010 – Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А.Л. Никифоров. М.: АСТ, 2010. 378 с.

Хабермас, 2011а – Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность // Между натурализмом и религией. Философские статьи / Пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Весь Мир, 2011. С. 15–25.

Хабермас, 2011б – Хабермас Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Между натурализмом и религией. Философские статьи / Пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Весь Мир, 2011. С. 26–75.

References

Barnes, 1982 – Barnes, J. *The Presocratic Philosophers. The Arguments of the Philosophers*. London, New York: Routledge, 1982.

Bucchi, Trench (eds.), 2021 – Bucchi, M., Trench, B. (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Routledge, 2021.

Diskussija [Discussion], *The Digital Scholar: Philosopher’s Lab*, 3 (2), pp. 17–58. (In Russian)

Eyal, Mendez (eds.), 2023 – Eyal, G., Mendez, T. (eds.) *The Oxford Handbook of Expertise and Democratic Politics*. Oxford University Press, 2023.

Feyerabend, P. *Nauka v svobodnom obshhestve* [Science in a Free Society], trans. by A.L. Nikiforov. Moscow: AST Publ., 2010. (In Russian)

Habermas, J. Kommunikativnoe dejstvie i detranscendentalizirovannyj razum [Communicative Action and Detranscendentalized Reason], in: *Mezhdu naturalizmom i religiej. Filosofskie stat’i* [Between Naturalism and Religion. Philosophical Articles], trans. by M.B. Skuratova. Moscow: Ves’ Mir, 2011, pp. 26–75. (In Russian)

Habermas, J. “Publichnoe prostranstvo i politicheskaja publichnost’” [Public Space and Political Publicity], in: *Mezhdu naturalizmom i religiej. Filosofskie stat’i* [Between Naturalism and Religion. Philosophical Articles], trans. by M.B. Skuratova. Moscow: Ves’ Mir, 2011, pp. 15–25. (In Russian)

Latour, B. *Nauka v dejstvii: sleduja za uchenyimi i inzhenerami vnutri obshhestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society], trans. by K. Fedorova. Saint Petersburg: Evropejskiy universitet v Sankt-Peterburge Publ., 2013. (In Russian)

Latour, B. *Politiki prirody* [Politics of the Nature], trans. by E. Blinov. Moscow: Ad Marginem Press, 2018. (In Russian)

Nichols, T. *Smert' jekspertizy. Kak internet ubivaet nauchnye znaniya* [The Death of Expertise: the Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters], trans. by T.L. Platonova. Moscow: Eksmo, 2019. (In Russian)

Oakeshott, M. "Ratsionalizm v politike" [Rationalism in Politics], in: *Racionalizm v politike i drugie stat'i* [Rationalism in Politics and Other Essays], trans. by I.I. Mjurberg. Moscow: Ideja-Press, 2002, pp. 7–37. (In Russian)

Ortega y Gasset, J. "Vosstanie mass" [The Revolt of the Masses], in: *Vosstanie mass: coll.* [The Revolt of the Masses], trans. by A.M. Geleskul. Moscow: AST Publ., 2002, pp. 11–208. (In Russian)

Panel Discussion, 2020 – Panel Discussion, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 20–60. (In Russian)

Pruzhinin, B.I. "Jekspertiza kak jepistemologicheskij fenomen" [Expert Examination as an Epistemological Phenomenon], *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 3, pp. 393–402. (In Russian)

Pruzhinin, B.I., Vetrov, V.A. "Jekspertiza kak forma razvitiya nauki: fundamental'noe vs prikladnoe" [Expertise as a Form of Development of Science: Fundamental vs Applied], *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 4, pp. 534–546. (In Russian)

Tukhvatulina, L.A. "Nauka kak ob'ekt very i nedoverija: fenomen denializma" [Science as an Object of Faith and Distrust: the Phenomenon of Denialism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2023, vol. 60, no. 1, pp. 6–20. (In Russian)